

Полковник Гуров

Николай Леонов

Прошлое не продаётся

«Научная книга»

Леонов Н. И.

Прошлое не продаётся / Н. И. Леонов — «Научная книга»,
— (Полковник Гуров)

Настоящий сыщик всегда начеку, даже на отдыхе. Ехали с рыбалки друзья-сыщики Гуров и Крячко да случайно заметили подозрительного типа: не иначе из монастыря сбежал, прихватив с собой что-то ценное. И как в воду глядели! Наутро обнаружился на окраине Москвы труп этого самого беглеца, только пакета, который он вез, нигде не оказалось. Как выявила проверка, он и впрямь подвизался в одном из монастырей, откуда похитил старинную книгу. Так случайная ниточка вывела сыщиков на опасную банду торговцев антиквариатом. Успеть бы только всех задержать и допросить, пока они сами друг друга от страха не перемочили...

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	10
ГЛАВА 3	20
ГЛАВА 4	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Николай Леонов, Алексей Макеев

Прошлое не продается

ГЛАВА 1

– Вот это ничего себе! Наловили рыбки от всей души. – Полковник Крячко был откровенно зол сейчас на весь мир.

Да и как тут не разозлиться, если первая за несколько лет рыбалка, так хорошо начавшаяся, закончилась аж двумя происшествиями. Сперва к ним с Гуровым подкатили на «Чероки» три крутых, но наивных хлопча с восемнадцатилетними телками и попробовали показать, кто в доме хозяин. С молодцами разобрались быстро, причинив лишь самый необходимый минимум телесных повреждений. Потом, уже на трассе, по дороге в Москву, ребята на «Форде» и «Фиате» подрезали Стасов «Мерседес» и попробовали скачать с двух полковников Главного управления миллион убытка. Этим морды пришлось рихтовать поосновательнее, но после полной победы свое средство передвижения пришлось оставить в мастерской в одном из подмосковных городков. Железо не человек, оно такого не выдерживает.

Выйдя из мастерской, Крячко вскинул рюкзак на плечо и, оглянувшись на Гурова, предложил:

– Ну что, пошли на автобус? А то на такси нам только сесть и тут же вылезать. Денежка-то почти вся на ремонт ушла.

– Автобус? – Гуров поморщился. – На нем столько пилить... Нет уж, тут рядом станция электрички, лучше туда.

Обогнув бараки, они действительно метрах в трехстах увидели железнодорожную насыпь и высящееся над ней длинное желтое здание небольшого полустанка. На платформе было немногочисленно. Видимо, электричка ушла совсем недавно, и пассажиры на следующую еще только начали собираться. Оглядываясь по сторонам, Гуров втянул носом уже ставший прохладным вечерний ветерок, дующий в лицо, и чуть ностальгически вздохнул.

– Да, запах железной дороги – это что-то особенное. Его ни с чем не спутаешь, – заговорил он, глядя на отполированные колесами рельсы, уходящие вдаль. – Вот вроде бы и шпалы сплошь железобетонные, а дорога все равно, как и раньше, все так же пахнет креозотом. Я этот запах с детства помню. Еще совсем пацаном с родителями ездили в гости. И вот он мне так понравился, я так завидовал тем, кто здесь работает... Даже мечтал стать железнодорожником.

– Хм... – Стас как-то неопределенно улыбнулся. – Плачь, железная дорога, – ты потеряла лучшего из своих несостоявшихся министров. Ну, или хотя бы управляющего одним из региональных подразделений. Кстати, когда-то я, тоже в сопливом детстве, путешествовал по железной дороге. Помню паровозы – черные, с красными колесами. А дыму от них было – всю округу, как тучами, занавешивали. А еще... О, смотри – наша электричка!

Зайдя в вагон электропоезда, Гуров устроился ближе к середине. Но садиться можно было где угодно – в вагоне насчитывалось не более десятка пассажиров. Неподалеку угнездилась над чем-то хихикающая компания подростков. Две старушки обсуждали какие-то свои глобальные проблемы. Мужчина в темной рубашке и затрапезных штанах, с густо заросшим лицом сидел, не выпуская из рук яркий полиэтиленовый пакет с чем-то прямоугольным, напоминающим книгу.

– Смотри-ка, – Стас тоже обратил внимание на бородача, – ни дать ни взять – Робинзон Крузо, да и только. А ну-ка, Лева, напряги свои извилины, выдай дедуктивную характеристику сему волосатому.

– Ого, да ты, оказывается, был отличником по литературе, – с некоторым удивлением отметил Гуров. – Запросто Тургенева цитируешь... Ну, хорошо. Вероятно, он беглый монах, оставивший без дозволения наместника родную обитель. К тому же что-то прихвативший на память в своем родном монастыре. Хотя, скорее всего, он по натуре не специалист по кражам, брал, вероятнее всего, под нажимом: его или шантажировали, или он оказался в трудных жизненных обстоятельствах. Думаю, в монастыре он был не слишком долго. Года два, не больше. Он единственный ребенок в семье, в детстве его часто обижали... Хватит?

– Лева, ты меня потряс. – Крячко воздел большие пальцы обеих рук. – Кое-что из тобой сказанного я и сам в какой-то мере «пробил» в его габитусе. Но такая детализация... Шерлок Холмс отдыхает.

– Вы не скажете, который час? – неожиданно обратился к Гурову мужчина, сидевший на соседнем, через проход, месте.

Незнакомец был среднего роста, худощав, темноволос, но уже пробивающаяся седина говорила о годах, близких к пятидесяти или даже более того, большие очки и «молотовские» усы придавали ему интеллигентный вид.

– Ровно девять, – взглянув на часы, ответил Гуров. – Судя по вашей ручной клади, вы – художник. И вы, как я понимаю, не москвич.

– Верно, – улыбнулся незнакомец. – Как вы правильно заметили, я художник, живу в Саратовской области. Владимир Солдатов, член Союза художников.

Держался он простецки, без многозначительной напыщенности.

– Станислав Крячко, полковник милиции, – кивнув, аттестовался Стас. – А это лучший опер всея Руси – полковник Лев Иванович Гуров. У вас что-то вроде творческой командировки?

– Да, наподобие, – согласился художник. – Ездил в Сергиев Посад, делал наброски. Хочу написать несколько работ на тему «Золотые купола России». Я бывал во многих местах, но Сергиев Посад – это нечто необычайное. Вот уж действительно заповедник истории. А вообще, где мне только не довелось побывать! Наш бывший Союз я изъездил вдоль и поперек. От западной границы Белоруссии до восточного побережья Камчатки.

– А мне всегда почему-то казалось, что художники больше домоседы, – снова в разговор включился Гуров. – Вы родом откуда-то с юга Украины или даже из Молдавии?

– Все правильно, – согласился художник. – Я родился в Молдавии. Когда-то это был процветающий край садов и виноградников. А сейчас... Но вот что интересно: меня почему-то всегда манил Север – морозы, снега, тайга без конца и края. Вот сейчас живу в Заволжье. Так там даже снег другой. На Севере он более жесткий, более холодный, всегда чуточку синеватый или даже фиолетовый. А у нас он белый, пушистый, легкий – как перышко...

– А вы специализируетесь на какой-то одной тематике или рисуете все подряд? – достав из кармана сигареты и со вздохом снова их спрятав, поинтересовался Стас.

– Нет, я пишу – у нас говорят «писать» – работы на самые разные темы, – увлеченно заговорил Владимир. – Иногда я их долго ищу, а иногда они находятся сами. Ночевал я однажды в отдаленной сибирской деревушке, и среди ночи вдруг меня как будто кто-то разбудил. Просыпаюсь и слышу... Вернее, тишина стояла абсолютная – даже лая собак не было слышно. Но в воздухе как будто разлита не уловимая ухом тончайшая хрустальная мелодия. Вышел я во двор и просто онемел: небо охвачено сиянием, красота – невероятная. И все это вместе – белый снег, черные избы, небо, где вспыхивают и переливаются самые изумительные цвета и оттенки, – меня настолько потрясло, что я забыл про сон, тут же сел за работу. А бывает, тема приходит во сне. В начале девяностых я был на Северном Кавказе, и мне приснилось там нечто жуткое: скандинавский демон войны – валькирия. Она летела над горами, держа в руке меч и что-то крича. Что она кричала, я не мог понять, но от ее голоса я проснулся в холодном поту.

– Это и немудрено, что вы ее не смогли понять, – рассмеялся Крячко. – Кричала-то она по-скандинавски...

– Наверное, – тоже рассмеялся Солдатов и уже совершенно серьезно продолжил: – А через год полыхнуло в Чечне. Вот хотите верьте... А бывало, сам попадал во всякие переделки. Был на Камчатке, пошел писать сопку Ключевскую. Иду в гору, пробираюсь по склону, поросшему мелким кедрачом. Вдруг прямо перед собой слышу громкий храп. Присмотрелся – не по себе стало: в метре от меня в зарослях развалился и спит камчатский медведь. Я на него едва не наступил. А они злющие – разорвал бы. А в Армавире как-то собрался пойти на Кубань... Ну, река там есть такая. Вышел из гостиницы, а тут разыгралась буря – в жизни такой я не видел. И вот прямо на здание гостиницы идет огромный смерч. Мне бы бежать, укрыться где-нибудь, а я как будто к месту прирос. И смотрю, смерч вырвал дерево толстенное и вогнал его в крышу старой трехэтажки – до первого этажа просадил насквозь. Потом говорили, что там даже были жертвы. И я уж было с белым светом попрощался, а смерч вдруг вбок ушел, и вскоре все утихло. Значит, мой час тогда еще не пробил.

– Да-а... – протянул Стас. – И кто бы знал, когда тот час пробьет? Хотя, по мне, лучше его не знать вовсе. Э, граждане, а куда подевался этот наш монах в синих штанах?

– Сошел на предыдущей станции, – поправив очки, сообщил художник. – Я вообще думал, что он до самой Москвы. Он сел со мною вместе в Сергиевом Посаде. Странный какой-то, дерганный весь, как будто чего-то боится.

– А вы не обратили внимание, он один сошел или с ним кто-то еще выходил? – заинтересовался Гуров.

– Двое мужчин вышли следом, – глядя на дверь вагона, стал припоминать Владимир. – Один – типичный дачник. А вот второй... Я так и не понял, что это за тип. Но человек, по моему, скверный. Взгляд у него волчий. А вы их в чем-то подозреваете?

– Пока нет... – Гуров изобразил рукой какой-то неопределенный жест. – Просто есть такое профессиональное несчастье, когда и за праздничным столом думаешь только о работе. Кстати, а почему ты сказал, что он в синих штанах? – повернулся он к Стасу.

– А-а... – Крячко рассмеялся. – Это я просто в рифму. Когда-то в детстве у нас была такая игра, называлась «В краски». К художнику поочередно приходят двое – «монах в синих штанах» и «черт с рогами, с горячими пирогами». Оба просят ту или иную краску. Если она есть, то от них убегает, а они догоняют и ловят, пока та не села на свое место. Если таковой нет – скачут штрафной круг на одной ножке. Когда краски разобраны, обе команды меряются силой – кто кого перетянет. По-моему, это было куда интереснее, чем нынешние игры в каких-нибудь покеронов или компьютерные тарактелки.

– А мы больше в лапту... – начал было рассказывать Гуров, но его перебил голос диктора, извещающий о прибытии на Ярославский вокзал.

Вагон замер, пассажиры жиденькими шеренгами потянулись к дверям.

– Вам в гостиницу? – шагая вслед за Владимиром, спросил Гуров.

– Да где там! – со смехом отмахнулся художник. – Мне гостиница не по карману. Я у бывшего однокурсника остановился. Учились вроде одинаково. Но он в столице устроился оформителем и живет как король. А я в провинции. Там у нас не зажируешь... Даже в райцентре пятьсот рублей зарплата не редкость. А уж в селах она и того меньше.

– Ну, мы сейчас на метро. Если хотите – идемте с нами. А то вдруг возникнут проблемы, мало ли чего... – предложил Гуров.

Когда они уже подходили к концу перрона, перед ними внезапно появились два крепких сержанта с хрипящими рациями, висящими на плече. Судя по всему, непонятная троица – художник и два рыболова – их чем-то заинтересовала.

– Сержант Гж... пш... мж... – невразумительно представился старший, небрежно подняв руку к голове – то ли честь отдал, то ли хотел нос почесать. – Ваши документики.

– А в чем дело, товарищ сержант? – изобразив из себя «пинжачка», пожал плечами Гуров. – Мы вам чем-то не понравились?

– Так! – сурово отчеканил сержант, грозно поглядывая на осмелившегося возразить, пусть и на крохотную йоту, гражданина. – Ты кончай тут дергаться, показывай документы. А то сейчас пойдешь в «обезьянник», до выяснения. Понял?!

– А почему вы со мной разговариваете на «ты»? – продолжая строить из себя простофилю-провинциала, Гуров недоуменно развел руками. – Я что, похож на террориста?

– А ну, все трое, пошли! – подняв дубинку, свирепо прорычал второй. – Ну?! А то шас по-пластунски поползете.

– Документы, говорите? – усмехнулся Гуров.

Достав из кармана свое удостоверение, он сунул его чуть ли не под нос старшему из этих двоих. У «стражей правопорядка» разом отвисли челюсти, и оба тут же съежились, став как будто на голову ниже. Мгновение спустя они опомнились и, вытянувшись в ниточку, вскинули руку к голове.

– Виноват, товарищ полковник! – жалобно проблеял тот, что еще мгновение назад пытался издавать рычание тигра.

– А теперь, любезные, предъявите ваши документики. – Стас тоже продемонстрировал свое удостоверение. – Ого! Да вы в органах-то без году неделя, а уже так «оперились». Это что же из вас дальше получится? Банда в погонах? Вот что, хлопцы, даем вам шанс не вылететь с позором и барабанным боем. Сейчас же идете и пишете рапорт об увольнении по собственному желанию. Если завтра вы еще обнаружитесь в черте Москвы, петушиться будете в другом месте. Вы меня поняли?

Вернув документы скисшим, сникшим, разнесчастным «стражам порядка», Стас зло плюнул, и все трое в молчании вновь продолжили свой путь.

– Лева, я сейчас же выброшу свою рыбу в ближайшую урну! – неожиданно объявил Крячко, сердито засопев носом. – А то твоя теория компенсации неприятностями уже начинает перехлестывать по части негатива. Неужели из-за того, что мне на какой-то мизер повезло насчет рыбы, я теперь обречен все оставшееся время суток без конца сталкиваться с дерьмом всевозможного фасона? То эта отмороженная шпана в лесу, то уроды на автотрассе, то эти скоты в погонах... Эти, по-моему, хуже всей той отморози. Им люди доверять должны, а они, гады, из нас пугало делают. Стрелять таких надо!

– Стас, забудь о теории – это была шутка. – Гуров приятельски похлопал его по плечу. – Улов тут вовсе ни при чем. Просто день такой выдался. Как сказал один из древних философов... Точно не помню, но примерно это выглядит так: не пытайся пересилить непосильное, смиришься с неизбежным и, несмотря ни на что, делай предписанное судьбой. Так что не стоит заикливаться на неприятном, лучше думать о хорошем.

– Э-эх!.. Лева, у меня стойкое предчувствие, что завтра нам подкинут что-нибудь «висячкое». Помяни мое слово. Представляю: утром мы заходим к Петру, и он нам с порога объявляет: «О, друзья, вы очень кстати. Тут такая заморочка...» Можем поспорить.

– У меня тоже предчувствие, – чуть улыбаясь, сообщил художник. – Что-то подсказывает: с кем-то из вас мне очень скоро предстоит увидеться снова.

– Странно... – Гуров посмотрел на уже потемневшее небо. – Вроде и не полнолуние, и не новолуние, и число не тринадцатое, и день не пятница... А тут прямо вернисаж пророчеств. Что-то странное происходит, однако... Ладно, всем – счастливо, всем – спокойной ночи.

Полчаса спустя Гуров подходил к своему дому. Здесь все было как и обычно. О чем-то оживленно переговариваясь, стайка подростков бежала к призывно мигающему огнями клубу компьютерных игр, занявшему место бывшей сапожной мастерской. «Трио» из первого подъезда, в составе экс-чемпиона по гребле, отставника-связиста и бывшего институтского доцента, спешило в бар «дегустировать» пиво. У пятого подъезда «симпозиум» пенсионерок гневно

обличал сантехников, не желающих чинить трубы в подвале дома... Одним словом, жизнь была ключом.

ГЛАВА 2

До официального начала рабочего дня оставалось еще несколько минут, и Гуров с удовольствием, не спеша отхлебывал горячий, свежесваренный чай. Сегодня он мог никуда не спешить. В его сейфе лежало уже готовое дело, которое он довел до логического завершения всего за две недели. В ходе расследования двойного убийства на одном из машиностроительных заводов, которое, казалось бы, закономерно пополняло категорию безнадежных «висяков», – его совершили те, кто в этом поднаторел весьма и весьма, – Гурову со товарищи удалось выйти на такие криминальные безобразия, что даже выдавшие виды опера разводили руками. Теперь все эти бессонные ночи и суматошные дни казались сплошной серой полосой будней, увиденной в детективном сериале. Как будто это кто-то другой рыскал по загроможденным металлоизделиями заводским складам в поисках улик, задерживал с группой захвата пустившихся в бег директора завода и все его окружение... В принципе, эту удачную «завершенку» он мог бы отправить в дальнейшее процессуальное плавание вчера после обеда, когда получил результаты последних экспертиз и все кусочки этой детективной мозаики встали на свое место. Но Стас отговорил.

– На природу, и только на природу! – категорично объявил он. – Лева, ты же знаешь Петра. Едва положишь ему на стол этот штабель бумаги, он тут же отправит тебя стряпать новый. И не видать нам выходного, как и своих ушей. Я уже забыл, как выглядят лес, речка, как выглядят облака, если смотреть на них просто, по-человечески, а не как на потенциальный вешдок.

«Да уж, отдохнули, называется... – мысленно усмехнулся Гуров, вспомнив их вчерашние приключения. – Не-ет, отдых нам не положен. Это, увы, предопределено. С нашей работой так: если даже в лесу от нее спрячешься, она тебя и там сама найдет. Хорошо хоть в ресторане обошлось без приключений...»

Вчера поздно вечером он наконец-то впервые за последние полтора месяца смог-таки уделить внимание собственной жене. Придя домой, Гуров увидел Марию стоящей перед зеркалом в длинном, очень красивом, можно даже сказать роскошном платье. Его появления она не заметила и продолжала придирчиво осматривать свой наряд, поворачиваясь из стороны в сторону, то поправляя ту или иную деталь платья, то, как бы в танце, кружась на месте, чтобы оценить, сколь изящно его упругая ткань охватывает ее бедра. Во время одного из таких «антраша» она случайно увидела мужа и, испуганно ойкнув, замерла, молча глядя на него. Гуров тоже стоял молча, прислонясь плечом к дверному косяку и склонив к нему голову. Он не отрываясь смотрел на Марию и чуть заметно улыбался.

– Ты... ты уже давно пришел? – наконец нашла она что спросить, заливаясь легкой краской неловкости. – А почему я не слышала?

– Я здесь уже давно. Бесконечно давно, – медленно подойдя и взяв ее за плечи, тихо, почти шепотом сказал Гуров. – Ты – само очарование. Ну, не сердись. Будем считать, что мы репетировали сцену из «Ночи перед Рождеством» – кузнец Вакула в гостях у красавицы Оксаны. Позволь же хоть поглядеть на тебя, ненаглядная Мария...

– Не путай классиков, – рассмеялась Мария, ладошкой взъерошив ему волосы. – А то получается уже не Гоголь, а пушкинская «Полтава».

– Ты намекаешь, что я Мазепа? О, горе мне! Сейчас же застрелюсь из табельного пистолета. – Гуров изобразил шаблонно-сценический жест отчаяния. – Похоже получилось? У вас ведь это так изображают? Тогда – аплодисменты!

– Вот твой гонорар. – Мария коснулась губами его лица. – Ой! Что ж ты такой колючий? Сегодня ты вообще какой-то не такой. Ле-ова... – Она тоже вдруг перешла на шепот. – Прямо

даже не верится – неужели ты вспомнил, что у тебя есть жена, которую ты должен любить, не обижать, носить на руках...

– Сколько угодно! – охотно откликнулся Гуров, подхватив ее на руки.

– Прекрати немедленно! – испугалась Мария. – Платье помнешь! О, да ты еще и с рыбалки? Еще не хватало, чтобы я, как русалка, была вся в чешуе. Кстати, рыбу ловили на блесну или на рубли?

– На блесну, с наживкой из денежных купюр, – без тени улыбки, голосом Семена Альтова изрек Гуров. – Слушай, я не спрашиваю, из какого бутика это платье, – главное, оно тебе идет. Но это, я так понимаю, обнова, и ее следует, так сказать, обмыть? Какмотришь на поход в приличный ресторан?

– Сразу столько всего наговорил – не соображу, что и отвечать... – тряхнула головой Мария. – Так... По поводу ресторана. А не поздно ли надумал? Время-то уже к одиннадцати. Тебе же завтра на работу. А платье... Какой бутик? Наша костюмерша Валя такой наряд может сотворить – никакому Версаче и во сне не приснится. Врать не буду – мне приятно, что оно тебе понравилось. Может, хоть теперь будешь чаще обращать на меня внимание?

– Счастье мое, есть женщины, и ты в их числе, на которых можно надеть платье из рогожи, и они все равно будут неотразимы, – отправляясь в ванную бриться, завершил Гуров разговор.

– Твою грубую, беспардонную лесть принимаю и даю свое согласие на ресторан, – свою точку в этом диалоге поставила и Мария.

Они отправились в недавно открывшийся неподалеку «Звездопад», где до этого ни разу не были. Их появление в зале ресторана не осталось незамеченным. Сидя за столиком в углу, они постоянно ловили взгляды любопытствующих. Дамы с завистью поглядывали на Марию, оценивая ее наряд, прическу и даже аристократичность, сквозившую в каждом жесте. Предметом их затаенной зависти был и ее спутник, своей статью и складом фигуры даже на расстоянии внушающий уважение.

Взгляды мужчин тоже большей частью были адресованы Марии. Во многих из них сквозило сожаление по поводу того, что прекрасная незнакомка, увы, на этот «бал» пришла не одна. Жгучий брюнет импозантной наружности рискнул было направиться к их столику, дабы дерзнуть ангажировать ее на танец, но, словно споткнувшись о спокойный изучающий взгляд Гурова, резко переменял решение и, как бы что-то вспомнив, отправился восвояси.

Возвращались они домой уже за полночь. Мария, испытывая легкое головокружение от выпитого вина, шла, что-то напевая, ее переполняли эмоции. Она буквально излучала безмятежную веселость. Гуров тоже чувствовал приподнятость настроения и удачным вечером был доволен безмерно.

– Да-а... – рассмеялся он, снимая пиджак и накидывая Марии на плечи. – Это называется «произвести фурор». Ты была невероятно популярна. Иные бедолаги, причем обоего пола, чуть шеи себе не свернули, без конца поворачиваясь в твою сторону.

– То же самое могу сказать и о тебе, – все так же безмятежно улыбаясь, объявила Мария. – Я даже начала тебя ревновать, между прочим... Смотри у меня, Гуров, не зазнавайся. Кстати, а может быть, потому у тебя такая высокая раскрываемость... Я правильно назвала? Так вот, может, это потому, что попавшие к тебе правонарушительницы тают и интенсивно «колются», в смысле сознаются, под воздействием твоего обаяния? Ты перед ними распускаешь перышки, влюбляешь их в себя, и они, разнежась, своей откровенностью улучшают вашу статистику. Я права? А ну, признавайся!

– Одной тебе открою нашу главную медицинскую тайну, – сделав страшные глаза, с наигранным пафосом объявил Гуров. – Впрочем, от тебя какие секреты? Рядом с тобой быть мальчишем-кибальчишем просто невозможно. Да, ты права: обаяние – наше главное секретное оружие в оперативной работе. Мы обаяем... Нет... обаяиваем, что ли? Ну, в общем, как ты и

подозревала, влюбляем в себя самых наивных и неискушенных. Мы им подмигиваем, а они нам – факты, мы им подмигиваем...

– Вот как?! Все-о-о... Немедленно развод и девичья фамилия!

– Э, закурить не найдется? – неожиданно раздался чей-то пропитой голос.

Гуров присмотрелся. В нескольких шагах от их подъезда в тени попыхивали огоньками сигарет две долговязые темные фигуры.

– Курить вредно, – буднично, без малейшего намека на какие-либо эмоции откликнулся

Гуров. – Читай, о чем Минздрав предупреждает.

– Че ты сказал? – Явно нарываясь на конфликт, в их сторону шагнул соискатель бесплатных сигарет, но другой тут же перехватил его за руку.

– Охренел, что ли?! Да это же... – Он что-то добавил громким шепотом своему приятелю и, уводя того прочь, примирительно кашлянул: – Извиняемся...

– Гуров, я тобой горжусь! – с восторженным удивлением прошептала Мария, крепко взяв его за руку.

Этот и без того подзатянувшийся вечер для них закончился не скоро...

Отхлебывая чай, Гуров с хрустом потянулся, испытывая жгучее желание немедленно где-нибудь прилечь и хоть ненадолго уснуть. Минутная стрелка на часах, висевших в углу, перескочила за двенадцать. В кабинет на ураганной скорости ворвался Крячко.

– Лева, привет! – Стас вопросительно кивнул на телефон. – Нас еще пока не затребовали?

И тут же, как бы оправдывая его ожидания, телефон издал длинный, требовательный звонок. Из приемной генерала Орлова его секретарша Верочка сообщила, что Сам хотел бы увидеть Гурова, желательно вместе с Крячко.

– Утро, утро начинается с рассвета. Здравствуй, здравствуй, необъятная страна... – направляясь к двери, пропел Стас. – А у нас утро начинается с приглашения к их сиятельству. Пошли, чего уж... Кстати, телик утром не смотрел? В оперативной сводке по городу сообщили знаешь про кого? Про нашего вчерашнего «беглого монаха». Его нашли убитым примерно через час-полтора после того, как он сошел с электрички, неподалеку от «железки».

– Ого! – Шагая по коридору, Гуров удивленно воззрился на Стаса. – А ты ничего не напутал?

– Так его ж фото показали, чтобы хоть кто-то опознал, кто он такой. При нем не оказалось ни документов, ни, заметь, вещей. А если помнишь, какой-то пакет он вез с собой. Кстати, – Крячко неожиданно переменял тему разговора, – а что это ты такой невыспавшийся? А, догадываюсь... Небось вечером Мария тебе дала такого дрозда, что до утра уснуть не мог.

– Стас, у тебя извращенное представление о моей семейной жизни, – усмехнулся Гуров. – Ты не поверишь, но мы до часу ночи просидели в ресторане.

– Феноменально! – Стас вскинул руки. – Я повержен. Да здравствуют крепкие супружеские узы!

Последние слова он произнес, переступая порог кабинета Орлова.

– Да здравствуют сотрудники, которые не опаздывают на работу и являются по первому зову, – погрозив, в тон ему заметил Петр. – Так, друзья, вы очень кстати. Тут такая заморочка... – начал было он говорить с задумчивым видом, но в этот же миг его тираду перебил громкий хохот.

Ничего не понимая, Орлов удивленно смотрел на приятелей, которых охватила, по его мнению, совершенно несвоевременная и ничем не объяснимая веселость.

– Ну что, что такое? – пожимал он плечами, не зная – либо рассердиться, либо рассмеяться и самому.

– Петр, ты уж не серчай, – садясь в кресло, сказал Гуров. – Просто вчера Стас слово в слово угадал, что именно ты скажешь нам сегодня утром.

– Хм... – вздохнул генерал. – Либо старею и поэтому изъясняюсь шаблонами, либо у Стаса дар ясновидения прорезался... Это он тебе там, на рыбалке, так сказать, вещал, оракул наш новоявленный?

– О-о-о!.. – хором воскликнули приятели, громко аплодируя.

– Тут, похоже, не я, а ты ясновидящий. – Стас озадаченно почесал макушку. – Или за нами уже наружка начала ходить?

– Размечтался! – загадочно усмехнулся Орлов. – На вас тут ни свет ни заря такая «телега» прикатила...

– Вот уроды! – донельзя расширив глаза, всплеснул руками Крячко. – Вот подонки! Сами же, твари, подрезали, сами подставились, я из-за них свою машину покалечил, а они еще и жаловаться вздумали!

– погоди, погоди! – Петр недоуменно потряс головой. – Никак в толк не возьму: кто подрезал? Чего ты там покалечил?

– «Мерс» свой. Переднюю подвеску повело. Ну это он там, на дороге, недалеко от Ярославки. Эти двое жуликов свой «Форд» подставили, потом начали наезжать насчет компенсации, якобы за упущенную сделку. Ну, я им обоим и выписал «компенсацию»... Пстой! А ты что имел в виду?

– Да-а... – Петр от души рассмеялся. – Денек у вас вчера выдался на события небедный. Нет, пожаловался на вас племянник заместителя префекта соседнего с теми местами, где вы рыбачили, округа. Дескать, напали чуть ли не с оружием в руках, избили, оскорбляли – обозвали их подружек проститутками. Они твой номерочек записали и с заявлением побежали в свое отделение. Там по базе данных номер машины простучали и глазам не поверили. Кинулись нам звонить.

– Тю! Я про этих хлюстов уже как-то и забыл. – Стас хлопнул себя ладонью по коленке. – Да мы их и не трогали вовсе. Лева разве что одному бугаю прописал пилюлю. Правда, мы у них изъяли нож и биты как холодное оружие.

– Лев, это что ж, и ты – в рукопашную? – Орлов покачал головой. – Я думал, на такие выкрутасы один Стас горазд. А тут – на тебе!

– А что прикажешь делать? Смиренно щеки подставлять? Вон вчера... Или уже сегодня? Во втором часу с Марией возвращались из ресторана, у нас, к примеру, попросили закурить. Что, нужно было пускаться наутек?

– Ну как, закурить-то дал? – хитро прищурился Орлов, видимо намекая на хроническое отсутствие у Гурова хоть каких-то сигарет.

– Не пришлось. – Гуров махнул рукой. – Сами поняли, что надо бросать.

– Ой, ребята, ребята... – Петр вздохнул с ироничным укором. – Вас хоть из этого здания не выпускай. Обязательно куда-нибудь да вляпаетесь. Ну все, хватит об этом. Дело есть очень серьезное. Речь идет о национальном достоянии России. Вчера поздно вечером недалеко от станции электрички был найден труп мужчины лет тридцати пяти. Вот его фото.

Гуров взглянул на снимок и сразу же узнал вчерашнего «беглого монаха».

– А-а-а... – Крячко мотнул головой. – Мы вчера его живого видели, ехал с нами в одном вагоне электрички. Сегодня утром в новостях тоже про него уже слышал. И каким образом, позвольте спросить, это убийство связано с... Чем там? Национальными интересами, что ли? Он что, ответственный за снабжение свистками футбольных судей?

– У меня есть серьезное подозрение, что это не просто заурядная мокруха, учиненная каким-нибудь пьяным отморозком. – Орлов пропустил мимо ушей крячковскую хохму. – Слишком уж старательно убийству придали видимость ординарного происшествия. Тут тебе и лежбище алкоголиков в соседних кустах, и налицо элементы грабежа, и вещдок как по заказу – бутылка с отпечатками пальцев и кровью убитого на донышке... А вот мне не верится, что это банальное убийство ради десятки на опохмелку. И тому есть серьезные основания.

– Слушай, Петр, пусть даже это и заранее подготовленное, умышленное убийство. Ты объясни конкретно – с какой стати ему придана такая значимость? У нас, по сути, каждую ночь в Москве регистрируется несколько таких случаев. Мегаполис есть мегаполис. Чем это привлек высочайший начальственный взор? – Откинувшись в кресле, Гуров выжидающе смотрел на генерала.

– Месяца два назад, – Орлов полистал перекидной календарь, – вот, в середине апреля, была получена агентурная информация, согласно которой некая преступная группировка, специализирующаяся на контрабанде исторических ценностей за рубеж, кому-то за колоссальные деньги продала, судя по всему, бесценную историческую реликвию, предположительно похищенную в одной из церквей. Но из патриархии никакой информации по этому поводу не поступало. Поэтому есть основания предполагать, что раритет был похищен или куплен за бесценок у частных лиц. А может быть, и найден «черными археологами». Но самое интересное то, что курьер, перевозивший ценности, по описанию очень похож на этого потерпевшего. Я думаю, теперь вы сами понимаете, сколь важно, чтобы это преступление было раскрыто.

– Помнится, кое-кто обещал нам три дня выходных в случае успешного раскрытия убийства на заводе. – Стас ткнул в Орлова указательным пальцем. – Мы ж две недели безвылазно, сутками... И вот – нате вам, радуйтесь!

– Петр, – Гуров с досадливой миной на лице потер пальцами кончик уха, – в самом деле, ты нам давал конкретные гарантии. Где они? На нас что, свет клином сошелся? Пусть это дело и не рядовое. Ну так есть ведь и другие опера, нас ничуть не хуже. Пусть растут люди. Мы на лавры не падки.

– Вы же вчера, говоря по-современному, уже оттянулись хоть куда, – с некоторой хитрой улыбнулся Орлов. – Причем на все лады – и порыбачили, и размялись по-молодецки... Кстати, жду приглашения на уху.

– Петр, ты нам зубы не заговаривай. – Гуров вскинул ладонь перед собой. – Я вопрос сформулировал предельно четко: где обещанные выходные?

– Экие вы несговорчивые! – Генерал укоризненно вздохнул.

– Лева, ну ты посмотри на этого злого фазендейро дона Педро! – в очередной раз возмутился Крячко. – Мы с тобой, как две бедные рабыни Изауры, пашем день и ночь, а ему все мало. Его пора депортировать в Бразилию, где много таких же вот донов-купидонов.

– Господи! Стас, все в голове твоей смешалось, – с укоризной, но при этом все так же хитро улыбаясь, посетовал Петр. – И бразильские сериалы, и римскую мифологию, и нашу киноклассику – все приплел. Лева, ну так когда к расследованию приступаем – прямо сейчас или после обеда?

– Да... Говорят, самый лучший способ отвязаться от начальства – сделать то, о чем оно просит. – Гуров безнадежно вздохнул. – После обеда, конечно, приступим. Пока свой бумажный урожай по инстанциям спихну – рак на горе свистнет.

– Думаю, он уже свистнул, – Крячко кивнул в сторону Петра, – этот самый рак, отдав команду «Свистать всех наверх!». И не только на горе, но и на гóре. – Стас перенес ударение на «о». – Нам с тобой. Пошли, Лева. Я не дружу со злыми фазендейро.

С подчеркнуто кислой миной он покинул кабинет. Гуров на пороге оглянулся. Орлов неожиданно подмигнул – мол, ничего, перемелется.

Когда Гуров вошел к себе в кабинет, Стас, безмятежно насвистывая, листал какой-то скоросшиватель.

– Что, уже сошло? – констатировал Гуров.

– А на меня и не находило, – пожал плечами Стас. – Это я для профилактики. Чтобы Петр не расслабился. А то, если будем все исходящие распоряжения воспринимать с криками «Ура!», завтра на нас вообще взвалят работу всех отделов. Я ж еще вчера шкурой чуял, чем

сегодня для нас обернется вызов к начальству. А ты еще брыкался – ехать на рыбалку или не ехать. Есть момент – лови, а то отнимут.

– Убедил, убедил, – рассмеялся Гуров. – Давай прикинем, с какого бока начнем разгрызть этот орешек. Мне думается, надо отработать возможную принадлежность нашего Монаха к одному из монастырей в пределах Москвы и области. Но прежде всего следует изучить все обстоятельства самого происшествия... Нужно понять его мотивы.

– Лева, ты – гений. Нужно понять его мотивы! – в своей обычной зубоскальской манере восхитился Стас. – Твоей логике мог бы позавидовать сам инспектор Колобков. Ну, это в мультике, где Колобки искали слона.

– Сейчас ты будешь искать пятый угол. – Гуров, прищурившись, постучал кулаком по столу. – У тебя есть что-то более дельное? Нет. Тогда так: едешь в тамошний райотдел, изучаешь все имеющееся по интересующему нас вопросу. Все! Второстепенных деталей тут нет и быть не может. А я пока что созвонюсь с патриархией, возьму данные по близлежащим монастырям. Да и с медэкспертами надо бы пообщаться. Вперед!..

Час спустя Крячко расхаживал по пустырю, кое-где поросшему высокими кустами и молодыми осинками. В нескольких десятках шагов отсюда на высокой железнодорожной насыпи, набирая скорость, громыхал колесами нескончаемо длинный товарняк. Утоптанная тысячами ног широкая извилистая дорога вела к утопающим в зелени трехэтажкам старой постройки. Здесь, на окраине Москвы, жизнь текла не по-столичному, в чуть замедленном ритме. Это ощущалось во всем: неспешной походке домохозяек, направляющихся за покупками, замедленных взмахах тяпок обладателей крохотных огородиков, виднеющихся за деревьями. Даже воробьи, прыгавшие по дорожке, чирикали с явной ленцией.

Сопровождавший Стаса сотрудник угрозыска местного райотдела показывал ему то место, где был обнаружен убитый, в каком положении тот лежал и что именно рядом с ним было обнаружено.

– Да тут и гадать нечего, – дымя сигаретой, уверенно рассуждал капитан. – Убийство явно из корыстных побуждений. Алкашам не хватило на бутылку. Вот и напали на первого встречного. Тут у нас и в прошлом году был похожий случай. Из-за столбника наличными и продуктов рублей на сто пятьдесят едва не убили женщину. Неделью лежала в коме.

– Тех, кто нападал, нашли? – осматриваясь по сторонам, поинтересовался Крячко.

Мирные, почти патриархальные пейзажи действовали расслабляюще, и ему не хотелось даже думать о прошлогодних и недавних злодеяниях, сотворенных то ли пьяными недоумками, то ли трезвыми зомби, у которых единственный императив в жизни – деньги, деньги, деньги...

Достав из кармана сигареты, он закурил, вслушиваясь в доносящийся из чьего-то окна хрипловатый голос Челентано с его хитом десятилетней давности.

– Да, задержали одного тут, – кивнул капитан. – Он, правда, свою вину так и не признал, но все улики были против него. К тому же нашелся свидетель. Ему, по-моему, лет пять строгача дали.

– Хм... – покрутив головой, Стас усмехнулся. – У вас тут прямо Бермудский треугольник местного значения.

– Это точно, – согласился капитан. – Кстати, это место лет сорок назад почти так и окрестили – Вермутский треугольник. Тут неподалеку есть продуктовый магазин, он еще с пятидесятых, так в нем, было время, вся местная алкашня отоваривалась дешевым пойлом. Товарищ полковник, я так понимаю, вы что-то здесь предполагаете найти?

– Да, кое-что необходимо уточнить. – Дымя сигаретой, Крячко еще раз внимательно осмотрелся по сторонам. – Вот вы говорите, что двоих подозреваемых задержали сразу же, по горячим следам. Это тутошние выпивохи, надрвавшиеся до потери пульса. Допустим, но никаких вещей, какие могли быть ими взяты у убитого, при них не обнаружено. А нам точно

известно, что убитый, который прибыл сюда на электричке в двадцать один десять, имел при себе ручную кладь – полиэтиленовый пакет с каким-то предметом, по форме похожим на книгу. На пакете рисунок – фужеры с оранжевым напитком. Общий фон желтый, с обеих сторон – надпись латинскими синими буквами. Значит, если они его убили и ограбили, то где эти вещи?

– Да зачем алкашам книга? – рассмеялся капитан. – Они у него из карманов наличку выгребли и побежали за выпивкой. А пакет с книжкой выбросили.

– Но ни того, ни другого здесь нет. – Крячко многозначительно затянулся. – Предположим, эти двое в подпитии напали на прохожего. Они ударили его чем-то тяжелым по голове, обыскали карманы. Заглянут они в пакет? Обязательно. Достали из него книгу, посмотрели – она им не нужна. Выбросили, но при этом станут они книгу тискать обратно в пакет? Едва ли. Но если книгу подобрал кто-то посторонний, то где пакет? И еще вот что непонятно. Оттащив труп в кусты, где его вскоре случайно обнаружил прохожий, они пошли купить водки, после чего вернулись пить на то место, где только что убили человека. Даже для мертвецки пьяного это уже чересчур... Хорошо, едем к вам, мне нужно с ними пообщаться.

Для Гурова после только что завершенной напряженнейшей работы задание Орлова было чем-то наподобие тяжелой гири, привязанной на шею. Он понимал, что Петр по мелочам напрягать его не станет. И раз это дело поручено распутать им со Стасом, значит, он и впрямь не зря среди ночи вытащил Марию в ресторан. «А то опять не знаю, когда выдастся такой случай!» – мысленно констатировал Гуров, то и дело яростно зевая.

Почти до обеда он и впрямь провозился с бумажной волокитой. Наконец, спихнув дело об убийстве на заводе в следственный отдел, Гуров набрал номер телефона судмедэксперта Дроздова. Попросил его как можно тщательнее провести осмотр тела убитого, не упуская абсолютно ничего.

– Меня интересует не только, скажем, характер раны на голове, – дотошно объяснял он сопящему в трубку Дроздову, – но и какие-либо царапины на теле, полученные им ранее, следы инъекций, татуировки, если таковые найдутся. Кстати, их не худо бы сфотографировать, каждую по отдельности. Шрамы на теле – величина, место их нахождения, возможная причина появления. Состояние суставов, желудка... В общем, всего, вплоть до промежути.

– Лев Иванович, – в голосе Дроздова чувствовалось уязвленное профессиональное самолюбие. – Мне так кажется, слишком частое общение с Петром Николаевичем на тебя влияет не лучшим образом.

– Что ты имеешь в виду? – Гуров в очередной раз зевнул до хруста челюстей.

– Нудить начинаешь. Дидактичности в голосе многовато, – неожиданно для себя самого зевнул и Дроздов.

Следующий собеседник Гурова, представившийся как иеромонах Павел, без гонора и намека на какие-либо амбиции, спокойно и даже как бы дружелюбно прояснил ситуацию с монастырями. «Стасу бы у него поучиться общению с людьми, – записывая под диктовку названия мужских обителей, отметил про себя Гуров. – Этот, поди, сейчас и там нарисует – дальше некуда. Потом будут люди гадать – что за клоуны водятся в главке».

Последним собеседником Гурова стал не кто иной, как его секретный информатор в криминальной среде, Константин Бродкин по кличке Амбар. Этому Гуров назначил randevu в придорожной кафешке ниже среднего пошиба.

Часа через два он сидел за обшарпанным столом в прокуренном помещении кафе с киношным названием «Вестерн», отхлебывая пиво и луща крупную мясистую воблу. Неприхотливый шоферский люд за соседними столиками дымил сигаретами, обсуждая свои специфические проблемы. Кто повествовал о новых заморочках, учиненных гаишниками в одной из

северо-западных областей, кто – о состоянии дорог в Поволжье, на иных из которых можно, по словам рассказчика, угробить и груз, и машину.

– А у нас тут вообще однажды хохма такая приключилась, – плюхнувшись на свободное место, с типичным московским аканьем вклинился в разговор росленький круглолицый дальнобойщик лет сорока. – Заночевали в отстойнике, подруливают четыре фуры. Смотрим, по региону – Иваново. Поужинали они с нами, потом чего-то под машины полезли. Через полчаса несут нам свои карданы и болты в узелках. Мол, до утра у себя, ребята, придержите. Ну а нам чего? Взяли, спрятали. А они достают водяры бутылок десять и начинают квасить. Надрались до синевы. Мы только по кабинам спать легли, тут слышим – дым столбом. Часов до трех гоняли движки, пока соляра не кончилась. Чуть рассвело, идут к нам за карданами. Мы их спрашиваем: «А для чего вам это нужно?» Они, значит, толкуют, что это у них уже привычка такая – как вечер, так нажраться. А пьяных обязательно тянет в дорогу. Вот чтобы по пьяни не уехать и дров не наломать, они и приспособились на ночь снимать карданы.

Громкий хохот заглушил последние слова рассказчика. Гуров посмотрел на часы, и в этот момент в дверях показалась знакомая фигура. Взяв кружку пива и воблу, Амбар подошел к столу Гурова и, как бы видя его впервые, попросил разрешения присесть.

– Извиняюсь за опоздание, Лев Иванович, – отхлебнув пива, полушепотом заговорил он, пошныряв глазами по сторонам. – На знакомого у остановки нарвался. Расспрашивать начал, куда, мол, да чего... Ну, отбрехался, будто по дешевке новый сотовый предлагают. Вот вроде бы решил взглянуть – чистый ли. А то, случись, с делом связанный, особенно с мокрым, – не отмажешься. Что за проблемы-то?

– Новости утром смотрел? Видел, показывали мужика, которого убили неподалеку от станции электрички? Ты с ним не знаком?

– Хм... – Амбар снова отхлебнул из кружки и начал лущить свою рыбину. – Новости смотрю стабильно. Надо же знать, чем живет столица. Видел я этот сюжет, но кто такой этот убиенный – не в курсах. С памятью у меня пока слава богу, так что могу сказать уверенно: раньше с ним никогда не пересекались. Это точно.

– Хорошо, – кивнул Гуров. – Тогда что можешь сказать об интересующем меня контингенте, проживающем в тех краях? Я имею в виду людей, именуемых барыгами, марвихерами, занимающихся скупкой антиквариата, всяких редких ценностей. В первую очередь, конечно, – музейных.

– Поселочек этот я знаю. Его местные меж собой Шмадряевкой зовут. А вот кто там из марвихеров по антиквариату – надо уточнить. Был один такой лет десять назад. Но жив ли сейчас – сказать затрудняюсь. Из него уже тогда опилки сыпались. Ну все, Лев Иванович, задание понял. Отчаливаю. Как что надыбаю – сообщу.

Амбар допил пиво, сунул остаток воблы в карман пиджака неопределенного цвета и быстро скрылся за спинами ввалившейся в кафе очередной компании дальнобойщиков.

Вернувшись в управление, Гуров снова позвонил Дроздову. Когда их разговор подходил к концу, в кабинет, утирая взмокший лоб, вошел Крячко.

– Ну что там у тебя? – положив трубку, поинтересовался Гуров.

– Ну и жарница! Прямо как в июне. С утра-то какая чудная была погода... – Отдуваясь, Стас сел на свое место.

– Да я тебя прошу не прогноз погоды сообщить, а что удалось выяснить, – в голосе Гурова прозвучала нотка раздражения.

– Ой, не гони вороных, – отмахнулся Крячко. – Будет тебе и белка, будет и свисток. В общем, на месте происшествия ничего интересного. Ни пакета, что был у Монаха, ни того, что лежало в пакете. Двое подозреваемых, которых задержали по горячим следам, на авторов этой мокрухи явно не тянут. Они и сейчас-то лыка толком не вяжут, трясутся с похмелюги. А вчера

их вообще как дрова везли. Главное – они и не сознаются, и не отказываются. Сами ничего не помнят. Так-то они мужички нехилые – оба силачи. Правда, росточком не вышли. Оба, как на заказ, из категории «метр с кепкой».

– Стоп! А это уже интересно, – оживился Гуров. – Наш Монах был не ниже метра восьми-десяти. Единственный удар, ставший смертельным, был нанесен ему сзади по темени. Заметь – не в затылок! А как эти «метры с кепкой» могли дотянуться до его макушки? Друг на друга становились или подпрыгивали? В их тогдашнем состоянии это было нереально. Значит, удар нанес кто-то третий, ростом повыше, да и более трезвый. К тому же найденная бутылка с кровью на доньшке, безусловно, не орудие убийства. Дактилоскопия показала, что большой палец державшего ее человека находился у края горлышка, а не у его основания. Значит, из бутылки только лишь наливали. Нас пытались пустить по ложному следу. Впрочем, не очень искусно.

– Кстати, там, в отделе, мне рассказали еще, что в прошлом году на том же месте было нечто похожее. – Стас достал блокнот. – Вот, я записал. Некто Смирнов Алексей Алексеевич поздним вечером, было это в начале марта, с целью совершить ограбление нанес тяжкое телесное повреждение гражданке Вороновой Анастасии Григорьевне, пятидесяти лет. В живых осталась просто чудом. Значит, ситуация была такая. Она шла с покупками, он подбежал сзади, нанес удар по голове. Его застали, когда он обыскивал ее одежду – пытался найти деньги и ценности. Он все отрицал. Уверял следствие, что, наоборот, пытался спасти. Но, учитывая его прежнюю судимость – за несколько лет до этого он отбывал год общего режима за мелкую кражу, – ему не поверили. Дали пять лет строгача.

– Та-ак... – Что-то напряженно обдумывая, Гуров смотрел куда-то в окно. – Ты считаешь, что эти два случая каким-то образом взаимосвязаны?

– Не знаю... – Стас пожал плечами. – Но что-то подсказывает – да, тут есть какая-то общая ниточка. Хлипенькая, но есть. То, что эти происшествя случились почти на одном и том же месте, скорее всего, совпадение. А вот другое – Шмадряевка, откуда и Смирнов, и Воронова и куда приехал наш Монах, – уже намек на что-то общее.

– Хм... – Гуров зевнул и, поеживаясь, потряс головой. – Этот случай мы изучим, но только в общих чертах. Нам нельзя расплываться мыслью по древу. Можем упустить главное. А главное сейчас вот что: установить личность убитого. Без этого можем забуксовать, даже не начав расследование. Кстати, а ты не запомнил... Ах да, ты тоже не обратил внимания на тех, кто выходил вслед за Монахом. А вот наш новый знакомый... Ну, художник, он их видел и мог бы или нарисовать портреты, или помочь с фотороботом.

– Думаю, лучше будет, если с его участием составим фоторобот, – задумчиво изрек Крячко.

– Ты не доверяешь его художественным талантам? – усмехнулся Гуров.

– А вдруг он абстракционист? Помнишь же анекдот, как на основании портрета преступника, сработанного таким живописцем, полиция задержала, если не изменяет память, старуху восьмидесяти лет и две газонокосилки? Или что-то наподобие.

– Ну-у-у... – Гуров рассмеялся, – будем надеяться на лучшее. Вот только как его найти? Конечно, если у него есть временная регистрация, то за этим дело не станет. Значит, он из Саратовской области, зовут Владимир Солдатов. Давай-ка, займись этим делом. А я сейчас немного подзагружу Игорька Гойду. Следствие по этому делу вести будет он, вот пусть и включается в процесс. Как сообщил Дроздов, наш Монах некоторое время назад отбывал не менее шести лет усиленного режима в одном из «монастырей» Волго-Вятского региона. Это явствует из наколки на руках и теле. И отбывал он срок по статье, на зоне неуважаемой: на его ягодицах наколки, свидетельствующие о том, что был «опущен» сокамерниками. Так что в заключение попал он не за кражу или контрабанду каких-либо ценностей. Отсюда вопрос: а не было ли его убийство чьей-то мстью за совершенное им ранее? Вот пусть Игорек и пороется в карто-теках, поищет, откуда наш подопечный. Но и монастыри все равно надо объехать. В каком-то

из них он был, хотя и недолго. По мнению Дроздова, у него действительно стрижка, типичная для монастырского послушника. И еще интересный момент: на его ладонях обнаружены едва различимые ссадинки, полученные за сутки до гибели то ли от грубого камня, то ли от шероховатого металла. Где-то что-то он разгребал или куда-то взбирался. Ну все, уже вечер. Пора по домам. Завтра спозаранок ты едешь искать художника, я – по монастырям.

Зазвонил телефон. Гуров поднял трубку и услышал голос Амбара. Тот сообщил, что выяснил нечто интересное, о чем готов поведать хоть сейчас при личной встрече. Стас сочувственно ухмыльнулся и, помахав пальчиками, направился к двери. Мысленно кляня эту скверную необходимость без конца жертвовать личным временем, Гуров вышел из управления и направился к станции метро.

ГЛАВА 3

Гуров даже не предполагал, что в Москве и области монастырей за последние годы прибавилось столь изрядно. И если лет двадцать назад они были чуть ли не экзотической диковиной, то теперь их, судя по всему, стало почти так же много, как и в начале прошлого века. Впрочем, начало прошлого века было чем-то запредельно далеким, и поэтому Гуров даже представить себе не мог тогдашнего изобилия культовых сооружений. Как ни силился, хотя на недостаток воображения ему было бы жаловаться грешно. Все же действительно в начале всего сущего было Слово. И мироздания, и теперь уже полузабытой «катастрофы». Сказал общеизвестный в ту пору политик, что «процесс пошел», он и пошел... И вглубь, и ширирь, и вкось...

Весь этот смерч мыслей, ни о чем и обо всем сразу, одолевал Гурова, когда он под диктовку иеромонаха Павла записывал названия монастырей. Ему в тот момент как-то даже не подумалось, что исколесить теперь придется – как в один конец до Владивостока смотаться.

Конечно, с точки зрения теории вероятностей, он имел законный шанс получить нужный ответ в первом же по списку монастыре. Но по своему опыту Гуров слишком хорошо знал, что в силу всемогущего и неумолимого закона подлости положительный итог поисков ждал его в самой последней из попавших в круг поиска обителей. Ох уж этот закон! Сколько крови он попортил людям, сколько отнял сил, здоровья, а главное – времени, которого отпущено так мало... Как же обидно тратить свою жизнь не на какие-то приятные дела, а на бессмысленную и, главное, заранее предрешенную схватку с этим идиотским порождением вселенской несправедливости, принятым, похоже, без какого бы то ни было обсуждения и голосования.

Впрочем, Гуров особо-то и не роптал по этому поводу. С одной стороны, к пакостям судьбы он уже привык, и если ему везло с первой же попытки, то становилось как-то даже скучновато. С другой – он прекрасно знал, что из его знакомых едва ли кто мог бы считать себя избежавшим воздействия этого сквернейшего творения вечной оппонентки Фортуны – Неудачи.

Взять того же генерала Орлова. Иные в управлении считают его чуть ли не баловнем судьбы. Куда там! Если вспомнить случай с его личным джипом, то насчет баловня можно было бы не горячиться. Ну, можно ли это хоть в самой малой степени назвать везением, если как-то раз, всего на минуту заскочив в управление, Петр своего «россинанта» погнал не обратно в «конюшню», а на ремонт? И получилось-то как нелепо. Приехал, припарковался у стены здания, возведенной, как видно, при царе Горохе, вышел, хлопнул дверцей, и тут же что-то большое хлопнулось на крышу джипа. Оказалось, кусок карниза. Вообще-то он мог бы грохнуться и несколько левее, ему все равно, на кого падать, но это было бы даже для закона подлости чересчур. Однако независимо от того, как это было, генерал Орлов с той поры при одном лишь упоминании об архитектуре и автосервисе – ремонт влетел ему в солидную копеечку – начинал сердито хмуриться и недовольно сопеть.

Глядя в окно служебной «Волги», мчащейся по МКАД, Гуров, говоря литературным языком, ушел в воспоминания и размышления. Такое с ним в дороге случалось часто. Безразлично взирая на пейзажи, пролетающие за окном, но при этом автоматически фиксируя в памяти все, что было достойно внимания, он под шум двигателя не спеша обдумывал те или иные хитросплетения событий.

– Монастырь, – деловито известил его белобрысый водитель-сержант.

Это была уже четвертая по счету обитель из тех, что предстояло объехать. Издалека монастырь мог бы показаться какой-нибудь ведомственной базой отдыха. Через не очень густой перелесок виднелись бетонные плиты высокого ограждения, над которым возвышались кирпичные стены и красные железные крыши двух старинных трехэтажных зданий, похожих на корпуса пансионата. Далее белели шиферные крыши явно хозяйственных построек. А над всем

этим высилась, скорее всего, совсем недавно отреставрированная колокольня с крестом, сияющим позолотой.

Выйдя из машины, Гуров с хрустом потянулся. Время приближалось к обеду, уже начало посасывать под ложечкой, а скорого завершения этого паломничества никак не предвиделось. От трассы к монастырю вела неширокая дорога со свежеложенным асфальтом, которая заканчивалась обширной стояночной площадкой перед железными монастырскими воротами. Вдоль стены монастыря зеленели шеренги молодых березок и лип.

Неспешным, но решительным шагом Гуров подошел к воротам, громко постучал во встроенную в стену рядом с воротами узорчатую кованую калитку и лишь потом заметил кнопку звонка. Однако его стук был услышан, и с другой стороны калитки подошел молодой послушник в черном подряснике с еще жиденькой светлой бородкой. Ему можно было дать не более двадцати пяти лет. Судя по внушительному развороту плеч и нехрупкому телосложению, он совсем недавно сменил форму морпеха или десантника на монастырское облачение.

– Мне бы настоятеля вашего монастыря увидеть, – сообщил Гуров, опершись рукой о столб, поддерживающий козырек над калиткой. – Мы созванивались сегодня утром, он меня ждет.

– Вы из милиции? – пробасил привратник, стараясь придать хотя бы видимость смирения своему вовсе не смиренному голосу.

– Главное управление угрозыска, полковник Гуров.

Взглянув на его удостоверение, привратник распахнул калитку, и Гуров вошел в просторный двор, вымощенный камнем. Из вестибюля ближней трехэтажки вышел рослый тучный монах с широкой бородкой и большим крестом на груди.

– Лев Иванович Гуров? – спросил он, протягивая руку. – Я настоятель сей обители, нареченной в честь Архистратига Михаила. Здесь, как лицо духовное, зовусь отцом Гавриилом, а в миру...

– Хорошо. Отец Гавриил, – согласно кивнул Гуров, давая понять, что служебная форма обращения его устраивает. – Вам никогда ранее не доводилось видеть этого человека? – Он достал из кармана фотоснимок «беглого монаха» и показал его настоятелю.

– О-о-о!.. – едва взглянув на снимок, с сожалением протянул отец Гавриил. – Да, да, это наш послушник – брат Димитрий... Где это он и что с ним стряслось?

Реакция отца Гавриила Гурова одновременно и обрадовала, и несколько обескуражила. С одной стороны, это означало, что его поиски успешно завершены – о том, что он вообще мог не найти людей, знавших «беглого монаха», Гуров не хотел даже думать. А с другой стороны, тут же появилось внутреннее ощущение некоего дежавю, когда неожиданная удача рано или поздно обернется весьма серьезным проколом. И как раз там, где это меньше всего ожидается.

– Позавчера его нашли убитым между железнодорожной линией и поселком, по-местному именуемым Шмандраевкой. Вы, я так понял, об этом не слышали?

– Нет, не слышал, – думая о чем-то своем, покачал головой отец Гавриил. – Вы первый, кто мне об этом сообщил. Брат Димитрий, в миру – Дмитрий Викторович Жидких, у нас состоял в послушании уже более полугода. Он родом из Твери. Более семи лет назад он совершил тяжкий проступок и отбывал наказание в местах лишения свободы. Там он переосмыслил свою прежнюю жизнь под влиянием приходившего в узилище со словом Божиим настоятеля местного прихода и принял твердое решение начать жизнь сначала, посвятив ее служению Господу. О его жизни в нашей обители могу сказать лишь то, что он был одним из самых усердных насельников, строжайшим образом, я бы даже сказал ревностно, исполнявшим все послушания. Он отличался самоуглублением в молитве и всякую свободную минуту проводил в монастырской библиотеке за чтением Священного Писания. И в хозяйственных делах он был старательным послушником, который выполнял все ему порученное не только от сих до сих, но и стремился сделать что-то сверх того. Правда, два дня назад по непонятным причинам он

покинул пределы обители и исчез неизвестно куда. Первоначально предполагалось, что с ним мог произойти несчастный случай. Но поиски на территории обители оказались безуспешны, из чего нами был сделан вывод о его самовольном уходе в мир с непонятными целями.

– Отец Гавриил, – Гуров потер пальцами кончик уха, – а как часто в вашей библиотеке проводится инвентаризация? И проводится ли она вообще?

– Вы хотите сказать... – Глаза настоятеля несколько округлились. – Не может быть! Хотя... – Он горестно вздохнул. – Хотя в наши дни больших перемен перестаешь удивляться чему бы то ни было. Инвентаризация у нас проводится, ну, раз в полгода или по мере надобности.

– Как много времени потребуется, чтобы провести ее в срочном порядке?

– Самое малое – два дня, – развел руками отец Гавриил.

– Это слишком долго, – констатировал Гуров. – У нас столько времени нет. Хорошо. Тогда еще вопрос. А наиболее ценные фолианты в библиотеке хранятся отдельно? Их-то можно было бы пересчитать в ускоренном порядке?

– Да, они в отдельном шкафу, под замком, – обрадованно ответил отец Гавриил. – Библиотекарь, отец Иаков, их выдает строго индивидуально и только с моего личного разрешения. Впрочем, пройдемте в библиотеку, там вы сами сможете во всем убедиться.

Заходя в читальный зал монастырской библиотеки, Гуров ожидал увидеть старинные тяжелые дубовые столы, шкафы с резными дверцами, потемневшие и потрескавшиеся от времени. Но на самом деле библиотека оказалась помещением вполне современного дизайна, с обычной офисной мебелью. Шкафы, как столы и стулья, тоже были вполне современные, со стеклянными дверцами, через которые виднелись темные, с золотым тиснением корешки переплетов. Библиотекарь оказался монахом средних лет, добродушной наружности. У него было заметное брюхо и звонкий тенор ярмарочного зазывалы.

Узнав, кто и зачем пожаловал в библиотеку, он изобразил смиренную улыбку, в которой сквозила изрядная доля иронии. Не прекословя, отпер большим ключом самый последний из шкафов, единственный похожий на настоящую монастырскую мебель, который стоял в дальнем углу.

– Можете посмотреть. – Монах изобразил рукой гостеприимный жест.

– Нет уж, посмотрите-ка лучше вы сами, и повнимательнее – все ли в шкафу на месте?

– Как же оно может быть не на месте, если... – Отец Иаков внезапно осекся, улыбка мигом сошла с его лица. Он растерянно стоял перед шкафом, глядя на среднюю полку. – Отче, – после минутного молчания наконец выдал он горестным шепотом, – нет «Житий святых» в серебряном окладе. Книге почти триста лет!.. Боже, куда она могла деться?! Эти дни я ее никому и ни на минуту не давал. Неужто... неужто это брат Димитрий?! Какое кощунство...

– Все ясно, – доставая из кармана сотовый телефон, деловито отметил Гуров. – Книги нет. Значит, мы можем предполагать, что она похищена. И не кем-нибудь, а бывшим послушником Дмитрием Жидких. Отец Гавриил, от этого шкафа сколько ключей и у кого они?

– Один! Всего один! – прижимая руки к груди, зачастил библиотекарь. – Я с ключами не расстаюсь ни днем ни ночью.

– Ну-ка, дайте я взгляну на него поближе, – попросил Гуров и, взглянув на ключ, снисходительно улыбнулся. – Да... не из секретных. Этот замок, – он похлопал рукой по дверце шкафа, – можно открыть простым куском проволоки. Как в таких случаях говорят, он рассчитан на честных людей. Советую вам его заменить, и как можно скорее. Не подумайте, что я преувеличиваю, но даже не самый опытный вор справится с ним минут за десять – самое большее. Значит, так, факт пропажи мы сейчас запротоколируем. Вам по этому поводу нужно написать официальное заявление. А я вызываю экспертов, чтобы они исследовали замок на предмет трасологии и сняли со шкафа отпечатки пальцев. Просьба до их прибытия к шкафу никого не допускать. И еще прошу направить ко мне тех, кто с Дмитрием Жидких поддержи-

вал, скажем так, приятельские отношения. Я, наверное, поработаю прямо здесь, вы, – повернулся он к отцу Иакову, – мне не мешаете.

Позвонив в управление, он устроился за столом у окна. Минут через десять в читальный зал бочком, неуверенно вошел длинный сутуловатый послушник с рыжеватой бородкой и грустными глазами навывкате.

– Разрешите. – Сложив руки перед собой, он чуть поклонился.

– Прошу. – Гуров указал на стул напротив себя. – Пожалуйста, представьтесь и будьте добры, расскажите мне все, что вам известно о вашем... – Гуров едва не сказал «коллеге», – о послушнике Димитрии.

– Брат Афанасий, – осторожно, словно под ним мина, присел на стул послушник, – в миру – Журавкин Афанасий Иванович, год рождения – семьдесят пятый, уроженец Рязанской области. Вы знаете, с братом Димитрием я несколько чаще других совместно выполнял назначенные нам послушания, и поэтому сложилось впечатление, что мы как бы в дружеских отношениях. Хотя на самом деле отношения с ним были такие же, как и со всеми прочими братьями. Поэтому о его прежней жизни, мирской, знаю чрезвычайно мало. К тому же обсуждать мирские темы у нас считается достойным порицания, ибо в жизни мирской соблазнам несть числа.

– Хорошо. – Выслушав этот несколько замысловатый, обтекаемо-уклончивый монолог, Гуров в упор посмотрел на прячущего глаза Афанасия. – Тогда такой вопрос. Он не рассказывал о своих родных, близких, знакомых? Может быть, кто-то хоть иногда его здесь навещал?

В этот момент, шепотом извинившись неизвестно перед кем, библиотекарь вышел из читального зала. Послушник Афанасий сразу же заговорил свободнее и более определенно.

– Повидаться? – переспросил он, что-то припоминая, наморщив лоб и почесывая острый длинный нос. – Да, был один. Не так давно приезжал к брату Димитрию то ли двоюродный, то ли троюродный брат. Они с ним беседовали всего минут десять-пятнадцать, не более. Я еще удивился – как-то не по-родственному они сиделись.

– А точнее не припомните, когда именно приезжал этот родственник?

– По-моему... По-моему, дней пять назад. – Послушник посчитал, загибая пальцы и шевеля губами. – Да, ровно пять. И они, что интересно, даже не заходили в обитель, а разговаривали невдалеке от ворот.

– Вы его не запомнили? – Гуров оглянулся, услышав скрип двери.

Вернувшийся в зал отец Иаков являл собой ходячее воплощение печали и разочарования в людях. Афанасий тут же стал говорить вполголоса.

– Я видел гостя только издалека, – развел он руками. – Ему лет тридцать, может, побольше. Он выше среднего роста, с короткой стрижкой наподобие военной, усы и бородка очень короткие, современного такого типа. Во что одет – не запомнил. В тот день у врат дежурил брат Георгий. Он и сегодня там дежурит. Думаю, он его хорошо разглядел.

– А Дмитрий вам не рассказывал, за что был наказан в миру? – Гуров старался формулировать свои вопросы, сообразуясь с монастырской лексикой.

– Нет. – Афанасий отрицательно покачал головой. – Впрочем, я его об этом и не расспрашивал. В своих былых грехах он исповедался отцу Гавриилу. А тайна исповеди, сами знаете, разглашению не подлежит. И... братья говорили меж собой, что когда-то в помрачении рассудка совершил он грех надругательства над женщиной. За это и был наказан.

– А как вы считаете, – Гуров расспрашивал Афанасия как бы без особого интереса, словно подробности жизни беглого послушника Димитрия ему были абсолютно безразличны и он задает свои вопросы исключительно ради проформы, – Дмитрий мог совершить кражу имущества, принадлежащего монастырю?

– Что вы! – Афанасий истово замотал головой. – Он искренне раскаялся и, бывало, ночи напролет проводил в молитве, прося у Господа прощения за свои былые прегрешения. А... я

могу спросить вас, что случилось с братом Димитрием? Когда он неожиданно-негаданно исчез, мы все так беспокоились, так переживали...

– С ним случилось крайне неприятное происшествие. Позавчера он был убит в пригороде столицы, – буднично сообщил Гуров.

– Упокой, Господи, его грешную душу! – торопливо перекрестившись, растерянно пробормотал Афанасий. – Видно, велик был грех, им совершенный... Значит, не принял Господь его покаяния.

– Если только верить тому, что каялся он искренне. – Гуров с сомнением покачал головой. – Лицемерие ведь тоже грех? – неожиданно спросил он Афанасия. – И лжесвидетельство...

– Да... Грех сей велик, – смиренно согласился Афанасий. – Знаете, о мертвых или хорошо, или ничего, как говорится. Гм... Однажды он сказал довольно странные слова, которые меня немало смутили. Отец Гавриил еще прошлым летом собирался восстановить звонницу и заказать колокола... Требовалось много средств, а их очень и очень не хватало. Ну, сами понимаете – служим мы Господу, а живем-то средь мира... И вот, как-то помогая строителям, мы во время отдыха заговорили о делах наших монастырских. На мои слова о тяготах, препятствующих восстановлению звонницы, брат Димитрий, который в то время еще только появился в наших стенах, неожиданно сказал, что, коли уж со средствами вопрос никак не решается, их можно прямо здесь найти, в самом монастыре. Я удивился: откуда же? Тогда он пояснил, что, если продать хоть одну из старинных книг, что хранятся в нашей библиотеке, вырученных денег хватило бы не только на звонницу, но и на многое другое. Дескать, нет никакой разницы, по какой книге читать слово Божье – по изданной сто лет назад или только вчера. Такое мнение меня удивило очень и очень. Оно показалось мне прямо-таки кощунственным. Разумеется, о подобных речах я был обязан сообщить отцу Гавриилу, но... подумал, что брат, который всего неделю как в монастыре, заблуждается и первым должен вразумить его я сам.

– Вразумляли? – без тени иронии поинтересовался Гуров.

– Да, я сказал ему, что такие мысли – от лукавого. Ценность этих книг не в том, сколько за них предложит торгующий, а в той благодатной силе, каковой они обладают. К примеру, «Жития святых», одну из самых старых наших книг, держал в своих руках преподобный Серафим Саровский.

– Увы, но именно эта книга, судя по всему позавчера, из библиотеки бесследно исчезла.

– Боже милостивый! – Глаза Афанасия, казалось, готовы были вылезти из орбит. Он несколько раз перекрестился и после некоторого молчания горестно прошептал: – Господи... Брат Димитрий, как же ты осмелился...

– А вы не замечали у него, скажем так, слесарных способностей? По части замков. Ну, там, открыть, починить... – Гуров изобразил руками некий жест, похожий на открывание навесного замка большим ключом.

– Было однажды. – Афанасий говорил, недвижно глядя в зарешеченное окно. – В двери кладовой как-то раз сломался старый замок, а нужно было брать продукты для приготовления трапезы. Ключ в нем застрял и переломился, и никто не знал, что можно сделать. Тогда брат Димитрий, да упокойся его грешная душа, сам вызвался открыть дверь. Клещами он извлек обломок ключа и простым гвоздем с изогнутым кончиком за несколько минут отпер дверь кладовой. Мы потом купили в хозяйственном магазине новый.

Задав послушнику Афанасию еще несколько вопросов и дав ему подписать протокол, Гуров попросил пригласить в библиотеку привратника Георгия.

Минут через пять в дверях появилась внушительная фигура человека, которому очень трудно давались смиренность осанки и взора.

– Отец Гавриил сказал, что вы хотите меня о чем-то расспросить, – пробасил Георгий, усаживаясь на скрипнувший под ним стул. – Слушаю вас, спрашивайте.

На вопрос Гурова о родственнике Дмитрия Георгий пожал плечами.

– А родственник ли он ему? Мне так показалось, что они и незнакомы вовсе, – с сомнением в голосе сообщил послушник. – Разговаривали они не очень долго, но брат Димитрий после этой встречи выглядел очень встревоженным. О чем был разговор, я не слышал, но этот стриженный, скорее всего, ему угрожал.

– А вы его лицо хорошо разглядели? При встрече могли бы узнать? – записывая его показания в протокол, спросил Гуров, ворочаясь на неудобном, жестком ореховом стуле.

– Да, разумеется, – спокойно кивнул Георгий. – Память у меня, слава богу, в полном порядке. Можем даже этот... Как его? Фоторобот составить.

– Ну и замечательно. – Гуров даже не ожидал, что тот так охотно согласится помогать. – Скоро прибудут сюда наши эксперты, я их предупрежу, с ними тогда это и сделаете. Кстати, а на чем приехал этот стриженный, вы не заметили?

– К нашей обители он пришел пешком. Поэтому трудно сказать, была ли у него машина, спрятанная где-то неподалеку, или он приезжал на автобусе. Здесь их по трассе много ходит. Да и до электрички – полчаса ходьбы.

ГЛАВА 4

Направляясь в Москву, Гуров решил попутно заехать в Шмадряевку. Вчера вечером в условленном месте он встретился с Амбаром. Тот сообщил, что прежний марвихер, проживавший там и специализировавшийся на дорогом антиквариате, уже преставился, а его бизнес подхватил внук – копия дедушки. Столь же алчный и неразборчивый в средствах и путях к обогащению. Проживал марвихер-2 в доставшейся ему по наследству квартире деда по улице Зеленый Тупик. Номер дома и квартиры запомнить было проще простого – и то и другое значилось под номером тринадцать. Вспомнив это обстоятельство, Гуров едва не рассмеялся вслух. «Вот и не верь в судьбу, – размышлял он. – Тут уж прямо сам номер дома и квартиры указывает, что за фрукт там обитает». Кроме того, информатор сообщил, что внучок свои сделки проворачивал исключительно в вечернее и ночное время. Несмотря на алчность, внук марвихера был чрезвычайно осторожен и имел дело только с теми, кто приходил к нему по особой рекомендации. Образ жизни вел уединенный, очень замкнутый.

Семьи у него никогда не было, хотя ему перевалило уже за тридцать. Ходили слухи, что лет десять назад внучок кого-то жестоко кинул. Обманутый им тип, разыскав обидчика в ресторанной компании, окруженного шикарными девицами, так впечатал ему в пах носком ботинка, что пылкого ловеласа пришлось немедленно везти в реанимацию. Несмотря на все старания врачей, его мужское достоинство спасти так и не удалось. С тех пор рестораны и толпы девиц для него остались в прошлом.

Порулив по Шмадряевке, «Волга» остановилась у приличного вида краснокирпичной трехэтажки. Справа и слева за кронами высоких тополей виднелись дома, судя по всему, такого же фасона. Прикинув, в каком из подъездов может быть квартира марвихера, Гуров направился к железной двери подъезда с кодовым замком. Мельком взглянув на отполированные пальцами кнопки запорного устройства, он усмехнулся. Ну и ну! Какой смысл выпендриваться со всякими там кодами, если любой бомж уже давным-давно знает, что отпереть замок можно, нажав именно на эти блестящие кнопки. Такие замки – лишь расход для семейного бюджета жильцов при мизере гарантий безопасности.

Поднявшись по выщербленным ступенькам на третий этаж, Гуров нажал на кнопку звонка рядом с мощной стальной дверью, оклеенной дорогим кожзаменителем, с прищипандоренным сверху литым латунным номером «13». Из квартиры донеслось мелодичное тирликанье, динамик речевого синтезатора над дверью вежливо пропиликал с каким-то японским акцентом: «Ми вам осень рати, просим немножко потоздать». Через некоторое время за дверью послышались шаги, что-то щелкнуло, видимо, открылась внутренняя дверь, в дверном «глазке» мелькнула тень, и непонятно чей – мужской или женский – голос высокого тембра недовольно пробрюзжал:

– Кто там? Вам кого?

В нем сквозило капризное недовольство сибарита, вдруг разбуженного посторонним. Судя по всему, визит Гурова пришелся на неурочное время.

– Извините, я – Михеев Василь Васильич, – придав голосу некоторое заискивание, через дверь сообщил Гуров. – Мне бы увидеть Шушаева Юлия Дмитриевича. Вам насчет меня должны были позвонить.

– Кто еще там должен был звонить? – В голосе Шушаева ощутимо звучали нотки недоверия и неприязни.

– Соболев. Витька Соболев. Вы знаете такого?

– А ты его откуда знаешь? – еще больше насторожился Шушаев.

– Да... на одной зоне срок мотали. Я за фарцу, а он за гоп-стоп.

– Да?... Хм... А погоняло твое как?

– Бакс. Васька Бакс. – Гуров старался придерживаться золотой середины, не впадая в роль ни мелкого фраера, ни крутого пахана.

– Так что у тебя за дело-то? – уже профессиональным деловым тоном пропищал Шушаев, ни на секунду, как догадался Гуров, не отрываясь от «глазка».

– Ну, вслух об этом говорить не хотелось бы. Уж больно оно деликатное. – Гуров изобразил неуверенность. – Если вы заняты, я могу зайти и в другой раз. Вы только скажите когда.

– Подожди пару минут, – откликнулся Шушаев, уходя куда-то в глубь квартиры.

«Звонить собрался Соболю, – мысленно усмехнулся Гуров. – Звони, звони. Соболю с самого раннего утра сидит в КПЗ. А его сожительница сейчас из тебя через телефонную трубку жилы вытянет».

Чтобы как следует подготовить почву для визита к Шушаеву, сегодня же утром на квартиру к Соболю была направлена опергруппа. Задержание Соболя было обставлено так, чтобы в этом можно было обвинить кого-то из крупных марвихеров. Эта идея родилась у Гурова во время разговора с Амбаром, когда тот рассказывал о связях Шушаева.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.